

ISSN 0869-5687

Российская академия наук

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

1998 * **5**

© 1998 г. В.Б. КО НА С О В *

ПРЕЕМНИКИ СТАЛИНА И ПРОБЛЕМА НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

5 мая 1950 г. газеты "Правда" и "Известия" опубликовали сообщение ТАСС о том, что Советский Союз полностью завершил репатриацию немецких военнопленных. На территории СССР, по утверждению средств массовой информации, остались лишь военные преступники общим числом 13 546 человек. За последующие три года на родину смогли вернуться около 800 немцев – военнопленные, в отношении которых за недоказанностью были прекращены уголовные дела, а также интернированные и гражданские лица, о которых в сообщении ТАСС ничего не говорилось. Ситуация в корне изменилась после смерти И.В. Сталина. В 1953 г. в ГДР и ФРГ было репатрировано более 10 тыс. германских подданных.

В немногочисленных статьях российских историков о проблеме репатриации военнопленных это событие даже не упоминается¹. Весьма поверхностно освещено оно и в работах зарубежных историков². Между тем история возвращения немецких военнопленных на родину в постсталинский период содержит немало "белых пятен". Необходимость обращения к этой теме диктуется еще одним обстоятельством. За последнее время опубликован ряд материалов о внутренней и внешней политике преемников умершего вождя, однако сведений о том, какую позицию по отношению к военнопленным они заняли, в печать не просочилось.

* * *

* Конасов Виктор Борисович, кандидат исторических наук, доцент Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров.

На следующий день после смерти Сталина, 6 марта 1953 г., в газетах было опубликовано обращение ЦК КПСС, Совета министров и Президиума Верховного Совета СССР "Ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза". Оповещая народ о кончине вождя, новое руководство страны доводило до сведения общественности свою программу. Внешнеполитический раздел этого документа был необычен тем, что в нем впервые за последние годы не упоминался "заклятый враг трудящихся" – империализм, не говорилось и о "форнисте мировой реакции" – США, о "главном оружии мировой буржуазии" – блоке НАТО³. На похоронах Сталина свою приверженность идее разрядки международной напряженности особо подчеркнул Г.М. Маленков, избранный по предложению Л.П. Берия председателем Совета министров СССР. Глава правительства, в частности, ретанимировал тезис о "возможности длительного сосуществования и мирного развития двух различных систем – капиталистической и социалистической"⁴.

Берия, ставший первым заместителем Маленкова и министром внутренних дел, в траурной речи ограничился общими фразами о необходимости упрочения мира. Используя предоставленные ему полномочия, он, судя по всему, рассчитывал завоевать авторитет западных держав путем демонстрации конкретных шагов по десталинизации советского общества. С этой точки зрения освобождение военнопленных Второй мировой войны выглядело делом весьма и весьма перспективным.

17 марта 1953 г. Берия направляет Маленкову докладную записку, в которой доказывает целесообразность передачи исправительно-трудовых лагерей и колоний в ведение Министерства юстиции. Но при этом отступает, разумеется не случайно, право подчиненного ему ведомства на распоряжение лагерями для осужденных военнопленных. С завидной быстротой (ровно через день) инициатива Берии воплощается в соответствующее постановление Совета министров СССР⁵. Затем последовали указания о смягчении режима содержания осужденных иностранцев. На правительственном уровне был решен вопрос о переписке с семьями, получении из-за границы посылок и денежных переводов⁶. Как и предполагал Берия, снятие почтовой блокады не осталось незамеченным на Западе.

Конечно же, все эти инициативы шефа МВД следует рассматривать в контексте политики нового руководства по смягчению и реформированию репрессивной системы в целом. Так, 27 марта 1953 г. был принят Указ об амнистии, предоставивший свободу 1 млн. 181 тыс. заключенных. А в конце месяца Берия поручил министру юстиции К.П. Горшенину, прокурору СССР Г.Н. Сафонову, начальнику ГУЛага И.И. Долгих, своим заместителям по МВД С.Н. Круглову и П.Ф. Федотову изучить вопрос о порядке применения этого Указа к осужденным иностранцам подданным. 10 апреля он получил докладную записку с отчетом о проделанной работе, в которой приводились такие цифры: общее число иностранцев, попадающих под действие Указа, невелико – всего 2 219 человек (1 897 содержатся в советских лагерях и тюрьмах, 322 – в лагерях и тюрьмах ГДР, Австрии, Венгрии). Видимо, понимая, что подобного рода информация не удовлетворит Берия, авторы документа предлагали более радикальный способ решения проблемы – досрочное освобождение на основе пересмотра вынесенных приговоров. В этом случае, по их расчетам, на родину выедет еще 7 169 иностранцев (5 046 военнопленных и 2 123 гражданских лица), которые "не представляют в настоящее время большой опасности для нашего государства"⁷.

14 апреля Берия, заручившись поддержкой министра иностранных дел В.М. Молотова, ознакомил с текстом докладной записки председательствовавшего тогда на заседаниях президиума ЦК КПСС Маленкова. На следующий день члены этой партийной инстанции согласились с предложением о создании межведомственной комиссии, которая бы в месячный срок оформила документы на освобождение тех иностранцев, чье дальнейшее содержание под стражей "не вызывается необходимостью". В том, что возвращение на родину нескольких тысяч людей было предрешиено, сомневаться не приходится. Не дожидаясь окончательного результата перепроверки судебных дел, президиум ЦК КПСС обязывал заместителя министра иностранных дел Г.М. Пушкина договориться с правительствами заинтересованных государств о порядке, сроках и пунктах передачи военнопленных и интернированных⁸.

Репатризации иностранцев на родину, подавляющее большинство которых составляли граждане Германии, косвенно способствовало еще одно обстоятельство: 16 апреля 1953 г. в вашингтонском отеле "Статлер" на традиционном заседании Американского общества редакторов газет президент США Д. Эйзенхауэр произнес речь "Шанс для мира". Отдав должное заявлениям нового советского руководства о необходимости решения всех спорных международных проблем за столом переговоров, он заметил: "Нас не интересует одна лишь риторика... Подписание Советским Союзом австрийского договора или освобождение им тысяч военнопленных, все еще задерживаемых после Второй мировой войны, – явились бы

вишительными признаками искренности намерений. Они были бы более убедительными, чем любые краспоречивые выступления⁹. Полный текст речи американского президента был опубликован в "Правде" 25 апреля. Сопровождала ее редакционная статья, в которой данался ответ почти на все предложения и обвинения в адрес СССР, прозвучавшие из уст Эйзенхауэра, и лишь проблема военнопленных была обойдена молчанием. Видимо, потому, что Москва еще не оповестила о своих планах партийных и государственных лидеров Восточной Германии.

20 мая межведомственная комиссия под председательством министра юстиции Горшенина, пересматривавшая дела осужденных иностранных подданных, представила Маленкову отчет о проделанной работе. Члены комиссии посчитали возможным досрочно освободить от наказания 12 703 немца (6 550 человек отбывали наказание в СССР, еще 6 143 – в ГДР)¹⁰. Между тем обстановка в Восточной Германии оставляла желать лучшего. Двумя днями ранее маршал В.Р. Чуйков и его помощники по советской Контрольной комиссии И.И. Ильичев и П.Ф. Юдин известили Москву о массовом бегстве восточных немцев в ФРГ. Назывались такие цифры: в 1951–1953 гг. страну покинули 446 662 человека, из них за последние четыре месяца – 120 351; если в 1951–1952 гг. по разрешению СВАГ в ФРГ переселилось 90 629 немцев, то в январе–апреле 1953 г. – всего 422 немца¹¹.

27 мая 1953 г. данная проблема была рассмотрена на заседании президиума Совета министров СССР. В начале июня в Москву были вызваны руководители ГДР. 2 июня, после доработки ранее предложенного проекта, было издано распоряжение СМ СССР "О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР". Именно тогда Берия высказался против курса на строительство социализма в Восточной Германии, что впоследствии фигурировало в качестве доказательства его враждебной шпионской деятельности¹². В эти же дни первому секретарю ЦК СЕПГ Вальтеру Ульбрихту и его соратникам было сообщено о намерении советской стороны освободить и возвратить на родину приблизительно 7 тыс. немцев¹³.

Уже запланированную репатриацию приостановили события, произошедшие в Берлине 17 июня 1953 г. Акт протеста против высоких норм выработки на производстве вылился в народное восстание, лозунгами которого стали социальное и национальное освобождение. Звучали острая критика СЕПГ и требования об отставке Ульбрихта. С помощью советских танков с "беспорядками" было покончено. Для окончательной нормализации обстановки в столицу ГДР был командирован Берия, успешно справившийся с поставленной задачей. Однако почивать на лаврах ему не пришлось. 26 июня Маленков и Хрущев устранили своего главного конкурента в борьбе за единоличное лидерство.

С момента ареста Берии все, что ранее проводилось в жизнь по его инициативе, стало оцениваться со знаком минус. Однако его план по освобождению из лагерей германских подданных продолжал воплощаться в жизнь. Во-первых, потому, что задуманное мероприятие два месяца назад единодушно одобрили члены президиума ЦК, а во-вторых, отказ от принятого решения противоречил здравому смыслу и установке Маленкова на разрядку международной напряженности. К тому же, по иронии судьбы именно в день ареста Берии руководители ГДР получили по дипломатическим каналам "Памятную записку", в которой говорилось: *"В соответствии с Указом президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 27 марта 1953 года или по определению Верховного Суда СССР в порядке пересмотра дел досрочно освобождаются и подлежат возвращению в Германию 6 994 военнопленных и других германских граждан, осужденных в свое время за совершенные ими преступления."*

Компетентные советские власти готовы начать передачу упомянутых германских граждан германским властям во Франкфурте-на-Одере с 1 июля с.г.

*Министерство будет признательно за сообщение фамилии германского представителя, который будет уполномочен принять указанных германских граждан"*¹⁴.

Позиция лидеров ГДР, ознакомившихся с документом, была неопределенной. С одной стороны, грешно было упустить шанс реабилитировать СЕПГ в глазах общественности (версия о вызволении соотечественников из русского плена работала бы на ее пошатнувшийся авторитет). С другой – внутривнутриполитическая обстановка в стране еще не стабилизировалась. И опасения по поводу того, что весьма далекие от идеалов социализма репатрианты, в основном уроженцы западных областей Германии, станут весьма благодатным материалом в руках западных

⁹ Не подтверждается версия о том, что текст "Памятной записки" был обнародован в 1953 г. (См.: Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 года // Вопросы истории. 1966. № 5–6. С. 49). Публикация этого документа в то время не состоялась, и именно это обстоятельство помогло руководителям ГДР выдать освобождение немецких военнопленных осенью 1953 г. за дело своих рук.

спецслужб и средств массовой информации, не были лишены оснований. В конечном счете правительство О. Гротеволья пошло по пути компромисса: высказалось за освобождение из тюрем ГДР в первой половине июля 6 143 немцев, осужденных советскими военными трибуналами, и попросило отложить на вторую половину месяца репатриацию немцев из СССР¹⁵.

В ближайшие несколько недель, однако, никто из немецких военнопленных на родину не выехал. Правящая верхушка была озабочена решением иных проблем: клеймила на пленуме ЦК КПСС врага народа Лаврентия Берия, вела закулисную борьбу за власть. Обманутые в своих надеждах обитатели лагерных бараков, которым успели объявить о предстоящей репатриации, продолжали оставаться за колючей проволокой. Не обошлось без курьезов. 15 человек, освобожденных по амнистии, получили временные удостоверения граждан Восточной Германии. Глава дипломатической миссии ГДР в Москве Р. Аппель был вынужден проинформировать об этом советское внешнеполитическое ведомство, поскольку возмущавшие соотечественники настаивали на скорейшей отправке домой¹⁶.

21 июля президиум ЦК КПСС вернулся к проблеме, поручив Молотову, Горшенину и Круглову подготовить проект постановления Совета министров СССР о репатриации иностранных граждан. Через несколько дней на имя Маленкова и Хрущева была направлена служебная записка, предлагавшая освободить от наказания 5 618 человек – подданных Австрии, Венгрии, Румынии, Голландии и др. государств. Что касается германских граждан, то в отношении их авторы документа заняли более жесткую позицию. Отпустить на родину предлагалось не 6 994 немца, как об этом месяц назад было сообщено правительству Гротеволья, а только около 400, отбывших срок наказания или же попавших под Указ об амнистии от 27 марта 1953 г. Это довольно неожиданное решение мотивировалось сложной внутриполитической ситуацией в ГДР. Печальная участь постигла военнопленных немцев, дела которых к этому времени дополнительно изучила межведомственная комиссия. Констатируя, что индивидуальная вина многих солдат и офицеров "не может быть установлена", Молотов и его коллеги, вопреки элементарной логике, делали следующий вывод: "Досрочное освобождение и репатриация этой категории лиц представляются нецелесообразными"¹⁷.

Столь субъективный и идеологизированный подход к проблеме, имевшей большой международный резонанс, не устраивал ни реформатора Маленкова, ни его временного союзника Хрущева. Молотову было поручено подготовить более радикальное решение по вопросу репатриации германских подданных. 20 августа, за день до начала переговоров с прибывающей в Москву правительственной делегацией ГДР, министр иностранных дел представил на утверждение президиума ЦК КПСС проект, предусматривающий возвращение на родину 5 380 немецких военнопленных, из которых более 4 000 граждане ФРГ. Дополнительной проверкой дел остальных 14 468 осужденных немцев предлагалось заняться межведомственной комиссией. В текст коммюнике, которое должно было появиться в печати после завершения переговоров, следовало записать, по мнению Молотова, лишь то, что инициатива в деле освобождения военных преступников принадлежит правительству О. Гротеволья и что СССР готов удовлетворить просьбу немецкой делегации, не распространяя ее на лиц, "совершивших особо тяжкие преступления против мира и человечности"¹⁸.

Самое примечательное, однако, скрывалось за предложением Молотова приступить к репатриации военнопленных после 6 сентября – по завершении выборов в западногерманский бундестаг¹⁹. Такая постановка вопроса свидетельствовала о надежде советской стороны на отставку Аденауэра. Действительно, в ходе предвыборной кампании Компартия ФРГ и Общегерманская народная партия, объединившая представителей либеральной оппозиции, получили неплохую возможность разыграть карту вызволения соотечественников из русского плена. По крайней мере, предложение Молотова гарантировало, что до окончания выборов антисоветски настроенные немцы из СССР на родину не попадут.

Переговоры между правительственными делегациями СССР и ГДР длились два дня. В опубликованном 23 августа коммюнике говорилось о необходимости создания Временного Общегерманского правительства и проведения свободных выборов. Сообщалось также о прекращении взимания репараций с ГДР, оказании ей экономической помощи. Короткая информация о репатриации немецких военнопленных была опубликована в редакции, которую накануне предложил Молотов²⁰. Еще через два дня премьер-министр ГДР О. Гротеволь так прокомментировал "свою инициативу" по освобождению соотечественников: "Хотя мы знаем, что в данном случае речь идет об активных проводниках бесчеловечной гитлеровской политики, мы поставили на обсуждение эту проблему, которая в прошлом, особенно в Западной Германии, самым позорным образом превратилась в предмет безудержной пропаганды против Советского Союза"²¹. С заключительной частью этого высказывания в принципе можно согласиться. Что касается неслезных эпитетов в адрес бывших солдат и офицеров

вермахта, то они пусть останутся на совести почившего государственного деятеля. Заметим лишь, что Гротеволь неплохо знал действительное положение вещей: в лагерях СССР находились не только военные преступники, но и немцы, осужденные уже после войны, причем многие – по политическим мотивам.

26 августа Народная палата ГДР назвала освобождение военнопленных событием "общегерманского значения". Вполне справедливый вывод, однако, сопровождала мысль о том, что осуществлению гуманитарных акций, отвечающих интересам нации, препятствует западногерманский канцлер. Политика последнего "является продолжением политики Гитлера", а посему необходимо "свергнуть Аденауэра на выборах 6 сентября"²². А чуть позже Гротеволь цинично заявил, что в число кандидатов на возвращение из Советского Союза могут попасть и граждане ФРГ, разумеется, если большинство избирателей проголосует против нынешнего главы государства. Оппозиция, по справедливому замечанию историка А.М. Филитова, была явно скомпрометирована такой "поддержкой"²³.

Исход выборной кампании в ФРГ (правящий блок одержал убедительную победу, а кандидаты от КПП и Общегерманской партии по результатам голосования даже не попали в бундестаг) вызвал некоторую растерянность в рядах советского руководства. Неуверенно чувствовал себя в эти дни и центральный аппарат МВД. Репатриация военнопленных, правда, началась без отступления от сроков, утвержденных президиумом ЦК КПСС. Но при этом руководители подразделений Министерства внутренних дел всячески страховали свои действия. Так, начальник тюремного управления МВД полковник М.М. Кузнецов счел за благо лишний раз обратиться к заместителю министра иностранных дел Пушкину по вопросу о возвращении на родину 11 осужденных генералов. "Прошу сообщить Ваше мнение о целесообразности их репатриации"²⁴, – писал он, имея на руках (sic!) соответствующее решение президиума ЦК КПСС.

12 сентября 1953 г. заместитель начальника тюремного управления МВД полковник И.С. Денисов проинформировал сотрудника Министерства иностранных дел М.Г. Грибанова о сроках приезда немецких военнопленных на родину. В лагерь № 69 во Франкфурте-на-Одере они должны были прибыть в течение месяца²⁵.

13 октября 1953 г. отдел печати Министерства внутренних дел ГДР опубликовал в газете "Neues Deutschland" сообщение, которое начиналось словами: "Во исполнение обязательств в соответствии с соглашением между правительством СССР и правительством Германской Демократической Республики от 22 августа 1953 года правительством СССР в период с 25 сентября по 8 октября 1953 года был разрешен выезд в Германию 5 374 осужденным бывшим немецким военнопленным, которые были освобождены от дальнейшего отбывания наказания"²⁶. Далее говорилось о том, что отпущенные на свободу военные преступники якобы "единодушно расказывали о гуманном обращении со стороны советских властей". Наконец, в сообщении присутствовала следующая информация: из общего количества репатриированных военнопленных 4 057 человек являются гражданами ФРГ²⁷. Упоминание в печати о данном факте ставило Гротеволь в довольно неудобное положение: ведь еще полтора месяца назад премьер-министр ГДР заверил общественность, что западные немцы могут надеяться на возвращение близких из русского плена только в случае поражения Аденауэра на выборах. Впрочем, доказательств того, что в условиях "холодной войны" проблему военнопленных пытались эксплуатировать в своих интересах не только политики Запада, ныне достаточно. Анализ материалов XVI пленума ЦК СЕПГ, проходившего в сентябре 1953 г., укрепил историков в следующем выводе: гуманитарному аспекту проблемы военнопленных руководство ГДР отводило второстепенную роль²⁸.

В своевременности решения о репатриации бывших солдат и офицеров вермахта руководители СССР убедились уже через несколько дней после отъезда из Москвы правительственной делегации ГДР. В конце августа в Женеве начала свою работу четвертая сессия специальной комиссии ООН по военнопленным, доставившая советской стороне немало хлопот. На этой сессии американский посол в Испании Джеймс Данн, в частности, заявил, что СССР является единственной страной, которая отказывается представить какие-либо сведения о военнопленных²⁹. Дипломата США, разумеется, поддержал представитель ФРГ. Он передал в комиссию список, в котором фигурировали имена и фамилии 18 671 человека – западных и восточных немцев, чье нахождение в лагерях и тюрьмах страны социализма удалось установить по переписке с семьями. Всего же, по сведениям службы розыска Красного Креста ФРГ, за "железным занавесом" должно было находиться более 83 000 военнопленных³⁰. Некоторое время спустя боннское правительство направило в ООН официальную жалобу, в которой говорилось, что в Советский Союз было депортировано 750 000 гражданских немцев, судьба которых до сих пор не известна³¹.

Было бы ошибочно видеть в подобного рода заявлениях западногерманской стороны

исключительно пропагандистский трюк. Сомнения относительно того, что СССР скрывает достоверную информацию о военнопленных, увы, не были лишены оснований. Слишком часто на запросы общественных организаций и отдельных граждан из Москвы следовал стандартный ответ: "Об упомянутом лице сведениями не располагаем". Между тем родные и близкие какое-то время получали от этого человека письма или же его видели в одном из лагерей вернувшиеся из плена товарищи. В конце концов преемники Сталина пошли на то, чтобы передать властям ФРГ списки военнопленных и интернированных, продолжавших отбывать наказание в СССР. Сложнее обстояло дело с предоставлением информации об умерших. Здесь тормозящую роль играли, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, в свое время в сообщениях ТАСС приводились завышенные сведения о количестве пленных солдат и офицеров противника. Во-вторых, система учета скончавшихся, особенно в годы войны, была несовершенна, допускалось манипулирование цифрами, многие из погибших в плену вообще не заносились в реестр потерь³². Политического мужества официально признать все это у руководителей советского государства в 1953 г. не хватило, как, впрочем, не хватило его правящей верхушке и в последующие десятилетия.

К 10 сентября 1953 г. в Женеве завершила свою работу четвертая сессия специальной комиссии ООН по военнопленным. Ее главным итогом стал обстоятельный доклад, заинтересовавший Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда. Именно он предложил рассмотреть на восьмой сессии Генеральной Ассамблеи проблему, сформулированную так: "Меры для мирного разрешения вопроса о военнопленных". 16 и 17 сентября острая дискуссия по поводу того, заслуживает ли внимания предложение Хаммаршельда, развернулась между советской и американской сторонами. Постоянный представитель США в ООН Генри Лодже убеждал присутствующих в необходимости включить данный вопрос в повестку дня. В свою очередь, постоянный представитель СССР в ООН Я.А. Малик, ссылаясь на статью 107 Устава ООН, доказывал обратное: послевоенное германское урегулирование является компетенцией ответственных за него четырех держав. Поэтому рассмотрение вопроса об узниках войны на заседаниях форума в Нью-Йорке недопустимо. Свою позицию Малик пытался подкрепить еще одним, довольно малоубедительным аргументом: вся информация о военнопленных с исчерпывающей полнотой изложена в сообщениях ТАСС³².

Постоянного представителя СССР в ООН поддержал глава делегации Чехословакии Вацлав Давид и глава делегации Белоруссии, министр иностранных дел этой республики К.В. Киселев. Последний, в частности, привел следующий довод: сведения специальной комиссии ООН не заслуживают доверия, ибо в списки находящихся в СССР немецких, японских и итальянских военнопленных включаются убитые и без вести пропавшие солдаты и офицеры. В конечном счете дискуссия закончилась не в пользу советской стороны. Подавляющим большинством голосов вопрос о военнопленных был включен в повестку восьмой сессии Генеральной Ассамблеи ООН³³.

Чувствуя уязвимость своей позиции и не желая до предела накалять обстановку на форуме в Нью-Йорке, советское руководство решило форсировать процесс репатриации военнопленных. По постановлению Совета министров СССР от 18 сентября 1953 г. в Японию выехало более 1 300 человек³⁴. Полтора месяца спустя, 30 ноября 1953 г., президиум ЦК КПСС принял решение о возвращении на родину еще одной партии германских подданных. Досрочно освобожденные от наказания и репатриировались в ГДР и ФРГ в общей сложности 4 832 немца. Одновременно было решено выпустить из тюрем ГДР 6 150 немцев, освобождение которых намечалось провести еще в первой половине июля³⁵.

Репатриация немцев в декабре 1953 г., вопреки распространенной версии, не имела прямого отношения к визиту в Москву правительственной делегации ГДР. В средствах массовой информации это событие не афишировалось по той простой причине, что наряду с военнопленными на родину возвращались гражданские лица – немцы, депортированные на принудительные работы в СССР или же осужденные в мирное время за антисоветскую пропаганду, шпионаж и прочие неблагоприятные деяния. Ни те, ни другие под категорию военных преступников никак не подходили. Достаточно сомнительный характер имели и приговоры, вынесенные этим людям. Так, Эрих Шлоссер был приговорен к 25 годам за то, что "распространил 50 листовок антисоветского характера и получил для распространения еще 100 листовок". Отбывавший вместе с ним наказание в Озерном лагере Иохим Поок обвинялся в другом "страшном" преступлении – "фотографировании советских военных казарм с целью передачи снимков иностранной разведке"³⁶.

³² См. об этом подробнее: Ко на с о в В.Б., Су да ко в В.В., Бы стр и ц к и й А.П. ...Пока не похоронен последний солдат. Вологда: М., 1997. С. 12–27.

В апреле 1954 г. СССР ратифицировал Женевскую конвенцию о военнопленных. В сентябре 1955 г. В Москву прибыла правительственная делегация ФРГ во главе с Конрадом Аденауэром. В ходе переговоров об установлении дипломатических отношений между двумя странами удалось достичь взаимопонимания и по вопросу о возвращении на родину последних немецких военнопленных.

Примечания

¹ См.: И в а н и ц к и й Г.М. Репатриация немецких военнопленных из Советского Союза // Трагедия плена. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Красногорск, 1996. С. 118–121; Г а л и ц к и й В.П. Репатриационная политика советского правительства во Второй мировой войне и после нее // Там же. С. 110–112. Автор настоящей статьи уделит этой проблеме несколько страниц в своей монографии (См.: К о н а с о в В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996. С. 169–171, 243–244). Однако подробный анализ репатриационной политики нового руководства страны в названной книге отсутствует.

² S m i t A. Heimkehr aus dem Zweiten Weltkrieg. Die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen. Stuttgart, 1985; L a n g M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht. Herford, 1981. S. 58–61, 113–116; K a r n e r S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. München, 1995. S. 203–206; I h m e - T u c h e l B. Die SED und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion zwischen 1949 und 1955 // Deutschland Archiv, 1994. № 27. H. 5. S. 490–503.

³ Правда, 1953, 6 марта.

⁴ Правда, 1953, 10 марта.

⁵ Н е к р а с о в В.Ф. Тринадцать "железных" наркомов: художественно-документальное повествование. М., 1955. С. 240.

⁶ Разрешение на переписку, предоставление осужденным военнопленным, интернированным и иностранным гражданам права получать посылки и денежные переводы было узаконено постановлением Совета министров СССР от 6 июня 1953 г. Уже после ареста Л.П. Берия, 24 июля 1953 г., министр внутренних дел С.Н. Круглов издал приказ за № 0057, вводивший в действие "Инструкцию о порядке переписки осужденных иностранцев со своими родственниками и порядке получения ими посылок и денежных переводов". См.: Г А Р Ф, ф. 9401, оп. 12, д. 205, л. 38–41.

⁷ Источник. Документы русской истории, 1994. № 4. С. 108–110.

⁸ Там же. С. 110–111.

⁹ Цит. по: Правда, 1953, 25 апреля.

¹⁰ Источник. Документы русской истории, 1994. № 4. С. 111–112.

¹¹ Р е ш и н Л.Е. События 17 июня 1953 года в зеркале московских архивов. Рукопись неопубликованной статьи.

¹² Обвинения Л.П. Берия в намерении "отдать 18 миллионов немцев под господство американских империалистов" прозвучали на пленуме ЦК КПСС в июле 1953 г. из уст Н.С. Хрущева, Г.М. Маленкова, В.М. Молотова и др. участников форума. См.: Стенограммы пленумов ЦК. Дело Берия // Известия ЦК КПСС, 1991. № 1. С. 143–144, 157–158, 162–164.

¹³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, л. 64.

¹⁴ Цит. по: Отношения СССР с ГДР, 1949–1955 гг. Документы и материалы. М., 1974. С. 268–269.

¹⁵ АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, л. 59.

¹⁶ Там же, л. 14–19.

¹⁷ Там же, л. 60–63.

¹⁸ R e s c h i n L. General zwischen den Fronten. Walter von Seydlitz in sowjetischer Gefangenschaft und Haft 1943–1955. Berlin, 1955. S. 309–310.

¹⁹ Там же.

²⁰ Правда, 1953, 23 августа.

²¹ Отношения СССР с ГДР, 1949–1955 гг. С. 307–308.

²² Там же. С. 312.

²³ Ф и л и т о в А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993. С. 166.

²⁴ Цит. по: К о н а с о в В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. С. 244.

²⁵ Там же. С. 170.

²⁶ Цит. по: Отношения СССР с ГДР, 1949–1955 гг. С. 321–322.

²⁷ Там же.

²⁸ I h m e - T u c h e l B. Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen im Herbst 1955 im Spiegel der Diskussion zwischen SED und KPdSU. Dokumentation // Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1994. № 53. S. 449–465.

²⁹ Правда. 1953, 31 августа.

³⁰ Кагнел S. Op. cit. S. 203–204.

³¹ Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. С. 166.

³² Правда. 1953, 18 и 19 сентября.

³³ Там же.

³⁴ ГА РФ, ф. 9401, оп. 12, д. 205, л. 117–119.

³⁵ Rexel L. General zwischen den Fronten. S. 310–311.

³⁶ АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, л. 106–118.